

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Смоленский государственный университет»
Кафедра литературы и журналистики

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ученые записки (журнал)

Том 17

Смоленск
2017

УДК 37.014
ББК 74.04 (2)
Р 89

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Смоленского государственного университета*

Русская филология: Журнал (Ученые записки) кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. Т. 17 / Сост. и ред. М.Л. Рогацкина, Э.Л. Котова, А.А. Азаренков. – Смоленск: СмолГУ, 2017. – 434 с.

ISBN 978-5-906598-35-6

В 17 томе «Русской филологии» представлены ставшие уже традиционными разделы, посвященные исследованиям в области русской литературы – фольклора, поэзии и прозы XIX – XXI веков, истории зарубежной литературы; русско-зарубежным литературным связям; истории журналистики; теории текста, литературе Смоленской земли, жизни кафедры.

Издание включено в каталог изданий, входящих в ведущую систему индексов цитирования (РИНЦ).

Виньетка на титуле выполнена Е.К. Школяренко по мотивам гравюры Сандерса с рисунка С. Тончи на фронтиписе «Анакреонтических песен» Г.Р. Державина (Спб., 1804).

УДК 37.014
ББК 74.04 (2)

ISBN 978-5-906598-35-6

© Авторы, 2017
© Смоленский государственный университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (М.Л. Рогацкина)	8
------------------------------------	---

История русской литературы

История русской поэзии

Л.В. Павлова Роза и дуб в «Свете вечернем» Вячеслава Иванова	11
Г. Бобилевич Поэт в уличной галерее: портреты Сергея Есенина и Владимира Маяковского	29
А.А. Чевтаев Сюжетостроение в лирике М. Зенкевича 1906–1909 гг.: на подступах к поэтике адамизма	52
У.Ю. Верина Потенциально бесконечные и «завершенные» стихотворения в современной русской поэзии (на примере поэзии А. Драгомощенко)	69

Русская художественная проза

М.Л. Рогацкина Один из принципов организации структуры рассказов И.А. Бунина	84
---	----

Рождены Смоленской землей

Т.Н. Ладожина Книги из Нило-Столобенской пустыни (на примере коллекции в фонде библиотеки Смоленского государственного университета)	95
И.В. Романова Надежда Пичугина в жизни и стихах Гервасия Псальмова	124
Т.К. Пастернак Публикации Екатерины Клетновой в «Дневнике писателя»	134

- Л.А. Кузьмин**
 Архив Маргареты Томпсон в литературном музее
 Смоленского государственного университета: значение для
 изучения творчества А.Т. Твардовского и его окружения 141
- И.А. Королева**
 Лингвокультурологический анализ писем
 А.Т. Твардовского к А.В. Македонову
 (по материалам личного архива Маргареты Томпсон,
 переданного в дар Литературному музею СмолГУ)..... 151
- О.А. Новикова**
 «Боль моя, моя отрада, / Отдых мой и подвиг мой»:
 к истории создания поэмы А. Твардовского
 «Василий Теркин»..... 159
- Э.Л. Котова**
 Поэтика смешений и сплавов:
 Адриан Македонов о лирике оттепели..... 168
- И.В. Романова, В.В. Захаров**
 Дороги Владимира Захарова
 (по материалам краеведческого архива ученого)..... 175

Архив Литературного музея СмолГУ

- Борис Бурштын (Иринин)**
 Краткая автобиография (*Публикация и вступительное
 слово подготовлены Э.Л. Котовой и В.М. Ахатовой*) 183
- Елизавета Бурштын**
 Мои воспоминания о Б.С. Бурштыне-Иринине и о его
 друзьях-смолянах с 1922-1964 гг. 184
- В.Е. Захаров**
 Авраамий Смоленский – вольнодумец XII – XIII веков
 (*Подготовка публикации, комментарии Л.В. Павловой*) 193

Из истории «Персоны»

- Л. Л. Горелик**
 Юные таланты 1990-х 209
- Е.С. Стёпкина**
 Первые мемуарные очерки о «Персоне»..... 220

-
- А.В. Трифонова**
Поэзия Елены Агинской. Попытка обзора..... 227
- А.А. Степачева**
Топозкфрасис как композиционный прием в современной поэзии (на примере творчества О. Смагиной)..... 232
- А.А. Азаренков**
Экфрасис в стихотворении Эдуарда Кирсанова «Филонский и Кандинов» (комментарий) 238

Из истории журналистики

- М.В. Ливанова**
Четвертая жизнь Александра Беляева (писатель-фантаст – сотрудник газеты «Смоленский вестник»)..... 250

Из истории зарубежной литературы

- Е.В. Янушевская**
Бодлер. Философия артистизма 257
- Г.Н. Ермоленко**
Жанровая модель травелога в романе А. Жиды «Имморалист» 275
- А.О. Школьская**
Критическая и научная литература о Дж. Керуаке 282
- Н.В. Копытко**
Концепт природных стихий в идейно-смысловой структуре романа Л. Хоган «Сила»..... 294

Фольклор

- Л.Г. Каяниди**
О методике анализа фольклорных сказок 301
- Л.Г. Каяниди**
Особенности смоленских фольклорных сказок, собранных В.К. Ефременковым: сюжетная синтагматика, семантика, структура..... 312

Л.Г. Каяниди, К.О. Храмова, А.В. Ковалева	
О смоленских фольклорных сказках, собранных В.К. Ефременковым.....	330
Смоленские фольклорные сказки, собранные В.К. Ефременковым (<i>Публикация подготовлена Л.Г. Каяниди, К.О. Храмовой, А.В. Ковалевой</i>)	334
Смоленские календарно-обрядовые песни, собранные В.К. Ефременковым (с аналитическим комментарием) (<i>Публикация подготовлена Л.Г. Каяниди, К.О. Храмовой, А.В. Ковалевой, аналитический комментарий Л.Г. Каяниди</i>).....	373

Стилистика и теория текста

А.В. Жучкова	
Метафора как способ подсознательной коммуникации	389

Жизнь кафедры

Научная жизнь

А.В. Королькова	
Проект русско-белорусского словаря афоризмов	396
Л.Г. Каяниди	
О научных исследованиях молодых филологов смоленского университета	402

Из истории кафедры

В.В. Захаров	
Вольнодумец с благородной репутацией.....	417
И. Резников	
Слово об учителе: Владимир Ефимович Захаров – последний рыцарь XXI века.....	429

Путевые заметки

Л.В. Павлова

I gatti della piramide.

Римские впечатления, связанные с Вячеславом Ивановым 431

Литература

1. Греймас А.Ж. Структурная семантика. Поиск метода. М.: Академический проект, 2004. 368 с.
2. Леви-Стросс К. Мифологии: в 4 т. Т. 1: Сырое и приготовленное. М., СПб.: Университетская книга, 1999. 406 с.
3. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: АСТ-Астрель, 2011. 541 с.
4. Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам. IV. Тарту, 1969. С. 86–135.
5. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Изд-во «Лабиринт», 2001. 192 с.
6. Сравнительный указатель сюжетов восточнославянской сказки. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/sus/> (дата обращения: 14.06.2017).

L.G. Kayanidi

About the Methodics of the Analysis of Fairy Tales

Key words: *folklore tale; plot; semiotics; structure; a plot syntagmatic; semantic paradigmatic.*

In the article we present a formalized description of the post-Propp methodics of the analysis of fairy tales which was developed by E.M. Meletinsky with his disciples in the end of 60th. This methodics consists of description of a plot syntagmatic, semantics, tales implications which all together form a functional and semantic structure of a tale text.

Л.Г. Каяниди

Смоленский государственный университет

УДК 82-1/9

ОСОБЕННОСТИ СМОЛЕНСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ СКАЗОК, СОБРАННЫХ В.К. ЕФРЕМЕНКОВЫМ: СЮЖЕТНАЯ СИНТАГМАТИКА, СЕМАНТИКА, СТРУКТУРА

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта «Фольклорное наследие Смоленщины в записях белорусских и русских исследователей», № 17–24–23001

Ключевые слова: *волшебная и бытовая сказка; сюжет; мотив; структура; актанты; нарратив; бинарная оппозиция; бриколаж; мифологизм; семантика.*

Смоленские фольклорные сказки, собранные Ефременковым, демонстрируют полное разнообразие сюжетно-синтагматических типов:

в 21 тексте представлены все возможные сочетания блоков недостачи, предварительного, основного и дополнительного испытания. Семантика сказок характеризуется преобладанием социальной и семейной проблематики: она проявляется в доминировании оппозиций «старший / младший», «крестьянский / помещичий (поповский)», «родной / неродной». В волшебных сюжетах преобладает микрокосмический дериватив мифологической оппозиции «свой/чужой» – «человеческий/нечеловеческий (демонический)». Ведущим предикатом инициальной части сказок становится трансформация своего в чужое, обретающая не мифологические, а сословные и семейные черты.

Подробно анализируются в статье две сказки – «Теща» и «Морской царь». Первая позволяет сделать дополнение в жанровое определение сказки-анекдота и описание структурных особенностей бытовых сказок, а вторая интересна сочетанием мифологической логики бриколажа и семейно-бытовой проблематики.

1. Сюжетная синтагматика

В сюжетно-синтагматическом отношении собрание сказок В.К. Ефременкова, хранящееся в РГАЛИ, демонстрирует полный спектр структурных типов. Простейшую структуру, состоящую из блока недостачи и основного испытания ((–E –L) E L), имеют семь сказок. Дополнительным испытанием эта простейшая структура осложнена в двух случаях ((–E –L) E L E' L'). Каноническая структура волшебной сказки ((–E –L) ε λ E L) присутствует в восьми текстах. Дополнительным испытанием она осложняется в трех сказках. Распределение сказок по структурно-синтагматическим типам можно представить в виде таблицы.

Таблица 1

Сюжетно-синтагматическая типология сказок В.К. Ефременкова

Структурно-синтагматическая схема	Названия сказок
(–E –L) E L	«Про кулака», «Поп и его работник», «Иван и барин», «Солдат и смерть», «Волк и конь», «Сказка о серебряном блюдечке и наливном яблочке», «Неверная жена»
(–E –L) E L E' L'	«Сказка про архиерея, как он гулял по Афонским горам», «Сказка о двух братьях»
(–E –L) ε λ E L	«Извозчик», «Теща», «Три волшебных платочка», «Муж и неверная жена», «Злая мачеха», «Мужикова баба», «Сказка про суму», «Солдат, Миколай-Чудотворец и Илья-пророк».
(–E –L) ε λ E L E' L'	«Царица», «Вдова», «Казак и царь».

Е.М. Мелетинский писал, что дифференциальным признаком волшебной сказки на уровне сюжетной структуры является наличие блока предварительного испытания ($\epsilon\lambda$), «завершающегося получением волшебного помощника или чудесного средства, благодаря которым он с успехом выходит впоследствии из основного испытания» [4, с. 90]. Среди сказок Ефременкова попадаются, однако, такие, которые не следуют этому правилу. Из 11 сказок, которые включают блок предварительного испытания и должны являться волшебными, три очевидным образом относятся к бытовым: «Теща», «Муж и неверная жена», «Казак и царь».

Проанализируем эти сказки, чтобы понять причину их структурного и жанрового своеобразия.

Сказка «Теща» из всех сказочных нарративов, зафиксированных Ефременковым, представляется наиболее сложной и любопытной с семиотической, структурно-повествовательной и жанровой точки зрения.

Таблица 2

Функционально-семантическая схема сказки «Теща»

– E	– L	ϵ	λ	E	L
<p>W (братья разделяются) Свое (родное, старший брат) trans чужое (неродное) (Андрей не помогает Ивану)</p>	<p>Старший брат dom младший брат – L₁ (Иван обеднел)</p>	<p>– ($\alpha_1\beta_1$)^m = caus → oper → min (Иван просит Андрея не выбрасывать борова, которого он тайком убил, а отдать его ему) $\alpha_1\beta_1$^m = caus → oper → plus (Андрей как псевдогерой выполняет предписание Ивана и обретает его в качестве псевдопомощника) {– ($\alpha_1\beta_1$)^m = caus →</p>	<p>Теща – истинный помощник Ивана Иван – мнимый помощник Андрея</p>	<p>A₂B₂ (Иван выполняет поручения Андрея: стягивает мертвую тещу с коровы, куда он сам ее посадил; волочет из амбара, а потом с повозки) Иван всегда проявляет жестокость к теще, поскольку она вредитель для Андрея (– bon) → plus</p>	<p>Младший брат dom старший брат А представлено это как: свое (человеческое) dom чужое (мертвая теща) TEN борова, коровы, пшеница, лошади</p>

- E	- L	ε	λ	E	L
		<p>oper → min} = {$\alpha_1\beta_1^m$ = caus → oper → plus} $\alpha_1\beta_1^m$ = caus → oper → plus (Андрей приносит кубел с тещей внутри к Ивану, и тот дает согласие, чтобы тот постоял у него дома. В результате Иван обрета- ет труп теши как своего помощника) - ($\alpha_1\beta_1^m$ = caus → oper → min (Андрей пытается хитростью выведать, что творится у брата, и в результате теряет тещу как своего помощника) (- bon) → plus (Иван проявляет жестокость по отноше- нию к теще как агенту вредителя Андрея и убивает ее)</p>			

Первый блок сказки, связанный с недостатей, организован стандартно. Вредительством, ведущим к недостатке (**W**), является раздел имущества братьями. В результате старший брат богатеет, а младший беднеет. При этом старший брат Андрей ведет себя не по родственному (**Свое (родное) trans чужое (неродное)** (Андрей не помогает Ивану; в сказке говорится, что, несмотря на то, что Андрей готов выбросить борова на съедение волкам, он все же заставляет брата отработать этот подарок)). Итак, недостача сказки – бедность Ивана, взаимосвязанная с обогащением старшего брата (**Старший брат dom младший брат; – L₂** (Иван обеднел)).

Чтобы понять особенности предварительного и основного испытания в этой сказке, необходимо разобраться с системой актантов. Она представлена в таблице.

Таблица 3

Система актантов в сказке «Теща»

	Иван	Андрей	Теща
Эпизод с боровом и с кубелом	Мнимый вредитель (на самом деле – герой)	Псевдо-герой (на самом деле – вредитель)	Мнимый помощник (на самом деле – агент вредителя)
С точки зрения Ивана	Герой	Вредитель	Агент вредителя (живая) Помощник Ивана (мертвая)
С точки зрения Андрея	Мнимый помощник	Мнимый герой	Мнимый вредитель

Иван, как герой-плут, является протагонистом сказки: он предстает обездоленным и нуждается в компенсации. Однако в истории с боровом Иван предстает как мнимый вредитель, Андрей – как псевдо-герой, а теща – как мнимый помощник. Иван убивает борова, принадлежащего Андрею (стало быть, последний терпит несправедливый урон, что является признаком героя), хитростью (с помощью подвоха, что свойственно вредителю) завладевает этим боровом, а Андрей пытается обличить брата с помощью тещи, спрятанной в кубеле. При том, что формально ситуация с бором напоминает вредительство Ивана Андрею, в содержательном плане она предстает как первая часть компенсации обездоленного в результате раздела имущества старшего брата.

Эпизод организован таким образом, что добывание Иваном борова у брата может быть квалифицировано двояко. С одной стороны, это подвох и пособничество ($-(\alpha_1 \beta_1^m)$): Иван просит Андрея не

выбрасывать борова, которого он тайком убил, а отдать его ему. Иван действует как вредитель, а действия Андрея укладываются в правила поведения героя с вредителем: **caus** → **oper** → **min** (он делает то, о чем просит вредитель, и терпит урон).

С другой стороны, этот эпизод можно квалифицировать как предписание и его исполнение ($\alpha_1 \beta_1^m$): Андрей как псевдо-герой выполняет предписание Ивана и обретает его в качестве псевдо-помощника, который впоследствии избавит его от мнимой проделок ожившей тещи. Действия Андрея укладываются в правила поведения героя с дарителем: **caus** → **oper** → **plus** (побуждение к действию – ответное положительное действие – обретение помощника).

Уже в этом эпизоде проявляется основная особенность этой анекдотической сказки. Ее можно обозначить как наложение и мерцание структурных элементов: сюжетно-синтагматических блоков и актантов.

Та же двойственность проявляется в эпизоде с кубелом. Андрей приносит кубел с тещей внутри к Ивану, и тот дает согласие, чтобы тот постоял у него дома. Это предписание и его исполнение ($\alpha_1 \beta_1^m$), так как в результате Иван обретает труп тещи как своего помощника в борьбе со старшим братом. А сам Андрей выступает тут дарителем, с которым надо вести себя по схеме: **caus** → **oper** → **plus** (побуждение к действию – ответное положительное действие – обретение помощника).

С другой стороны, это подвох и пособничество ($-\alpha_1 \beta_1^m$). Андрей, как вредитель, приносит кубел с тещей Ивану, который отвечает на подвох пособничеством, от которого, правда, страдает не он, а Андрей, как мнимый герой. Здесь Иван одновременно выступает в двух ролях – как герой и как мнимый вредитель, а Андрей – как вредитель и мнимый герой. Действия Андрея вновь укладываются в правила поведения героя с вредителем: **caus** → **oper** → **min** (он терпит урон от действий вредителя). Действия Ивана тоже укладываются в правила поведения героя с вредителем, только он получает от этого не урон, а пользу: ($-\text{bon}$) → **plus** (Иван проявляет жестокость по отношению к теще как агенту вредителя Андрея и убивает ее).

С момента смерти тещи сказка организована таким образом, что история видится как бы в двух ракурсах одновременно, с точки зрения Ивана и с точки зрения Андрея. Причем наложение этих точек зрения становится источником комизма в сказке. С точки зрения Ивана, Андрей – вредитель, которого необходимо обмануть и обобрать, сам Иван – герой, а теща – нечто вроде его помощника, пусть и не волшебного. С точки зрения Андрея, Иван предстает как его помощник, теща – как вредитель, а сам Андрей – как протагонист. Особенностью этой триады является то, что каждая из ролей актантов обладает характером мнимости: Иван –

мнимый помощник, как теща – мнимый вредитель. С помощью наложения и мерцания «нарративных масок» возникает комический эффект: Иван обогащается за счет скупого брата, искусно играя роль его помощника; теща Андрея, которая первоначально должна была вывести плутни Ивана на чистую воду, в глазах Андрея предстает как вредитель, на самом деле выступая как орудие мошенничества в руках Ивана; сам Андрей высмеивается как герой-простак.

Основное испытание предстает как решение задач (A_2B_2). Иван стягивает мертвую тещу с коровы, куда он сам ее посадил; волочет из амбара, где она якобы ворует пшеницу, а затем стягивает с повозки, которую она якобы хочет украсть. При этом Иван всегда проявляет жестокость к теще, поскольку она мнимый вредитель для Андрея и бывший агент вредителя для него самого: (**-bon**) → **plus**.

Ликвидация недостачи (**L**) представлена как доминирование младшего, умного брата над старшим, простаком. Но это доминирование комически замаскировано под доминирование своего, человеческого, над чужим, нечеловеческим, т.е. мертвой тещей. Результатом доминирования становится обладание богатством (**ТЕН борова, коровы, пшеницы, лошади**), которое компенсирует исходную недостачу – бедность героя.

«Теща» – очевидно анекдотическая сказка.

Жанровые признаки этой разновидности сказок сформулированы Е.М. Мелетинским в статье «Сказка-анекдот в системе фольклорных жанров» [3]: 1) абсурдная парадоксальность содержания, при которой нарушения нормы становятся источником комизма; 2) протагонист анекдотической сказки – плут, хитрец, его антагонист – одурачиваемый простак; 3) композиция представляет серию коротких анекдотических ситуаций.

Все эти признаки свойственны сказке о теще. Но анализ сюжетной синтагматики и актантажной структуры сказки позволяет скорректировать и дополнить наблюдения Мелетинского. Так, исследователь пишет: «Из прежней композиционной связанной последовательности [в анекдотической сказке – Л.К.] сохраняется только исходная ситуация недостачи-беды и конечная <...> идентификация <...>. Между этими крайними точками вписываются, т.е. инкорпорируются, два звена: 1) ближайшая реализация недостачи в виде “трудных задач” <...> 2) испытания-превратности» [3]. Мелетинский утверждает, что в анекдотической сказке исчезает противопоставление предварительного и основного испытания и вместо этого утверждается иная схема: недостача – трудные задачи – их решение – идентификация героя.

В результате анализа сказки «Теща» это наблюдение можно дополнить еще одним. В анекдотической сказке структура сказки волшебной, композиционная, актантажная, семантическая, может сохраняться целиком, в

том числе предварительное испытание. Однако эта система перестраивается путем рекомбинации ее составных элементов. Система бинарных блоков сохраняется, но как бы в сотрясенном состоянии, в котором отдельные блоки могут накладываться друг на друга (подвох и пособничество на предписание и исполнение). Система актантов тоже сохраняется, однако их функции одновременно адресуются разным действующим лицам: Иван – и герой, и мнимый вредитель, и мнимый помощник; Андрей – и вредитель, и мнимый герой; теща – и помощник, и вредитель. Семантические оппозиции тоже сохраняются, но одни могут быть облечены в покровы других: доминирование младшего над старшим комически маскируется под доминирование человеческого над нечеловеческим.

Особенности сказки «Теща» ярче всего оттеняются сказкой «Мертвое тело» (Аф. № 395).

Таблица 4

Функционально-семантическая схема сказки «Мертвое тело»

– E	– L	E	L	E'	L'
(– α)β (Умирая, мать просит старших сыновей не обделить младшего, но они разделяют наследство между собой)	Высокое (старшие братья, умные) dom низкое (младший брат, дурак) – L ₂ (нет денег)	A ₂ B ₂ 1. Дурак берет с братьев 100 рублей и лошадь за то, чтобы молчать о поступке братьев. 2. Дурак берет с барина 300 рублей, после того как тот сбивает дровни с покойницей, которую дурак выдает за живую. 3. Дурак обирает и попа, после того как попадьа бьет покойницу палкой, принимая ее за живую.	TEN деньги	Тайное trans явное (братья изобличаются как ложные герои, убийцы своих жен и глупцы)	Дурак зажил припеваючи

Сказка «Мертвое тело» отличается от сказки «Теща» менее сложной и более стандартной для анекдотической сказки структурой. Она строится по описанной Мелетинским схеме: недостача (–E) (–L) – трудные задачи – их решение (EL) – идентификация героя (E'L'). В ней отсут-

ствует предварительное испытание. Рудименты обретения волшебного помощника из мира мертвых можно усмотреть разве что в мотиве хватания покойницы и в мотиве поминания ее после торжества над братьями и компенсации. Собственно предварительным испытанием это назвать нельзя. Наложения структурных элементов здесь не происходит, поэтому и комическое начало здесь уступает место сатирическому обличению семейно и сословно высших.

В сказке «Муж и неверная жена», почти полностью идентичной афанасьевской сказке «Муж да жена» (Аф. № 445), тоже сохраняется блок предварительного испытания, не превращая вместе с тем сюжет в волшебный.

Таблица 5

**Функционально-семантическая схема сказки
«Муж и неверная жена»**

– E	– L	ε	λ	E	L
Чужое trans свое (дьяк-любовник выдает себя за брата жены Ивана) Неверность жены	Чужое dom свое (дьяк чувствует себя хозяином в доме)	ab – отправляется за лекарством для жены, которая называется больной Inf → plus (говорит встречному мужику о том, куда он идет, о больной жене)	Помощник (помогает проучить жену)	- ab – возвращается домой Явное trans тайное (муж прячется в мешке) A₁B₁ – борьба-победа (бьет поленом)	Свое dom чужое (муж бьет дьячка и жену, «с тех пор жена его больше не хворала»).

Помощником героя, обличающим супружескую неверность жены, становится не волшебный персонаж, а обыкновенный мужик, менее простодушный, чем герой. Обыденный характер помощника несколько не ставит под сомнение сюжетно-синтагматический статус самого предварительного испытания. Оно организовано по правилам сказочной импликации (**inf** → **plus**): герой рассказывает встречному мужику о том, что у него больна жена и что он направляется ей за лекарством, и таким образом обретает себе помощника. У Афанасьева представлена та же импликация, а помощником героя становится солдат.

В сказке «Казак и царь» (см. таблицу 6) в результате предварительного испытания, построенного с помощью парной функции $\alpha_1\beta_1^i$ (вопрос – ответ) и импликации (**inf** → **plus**), протагонист обретает переодето-

го царя в качестве помощника. Этот помощник лишен магического характера, поэтому его невозможно назвать волшебным, однако он выделяется среди других действующих лиц своим сословным статусом, социальной исключительностью. Царь задает министрам задачу разобрать казачье прошение. Поскольку они разрешают его только с помощью казака, царь разоблачает их подвох и полностью компенсирует первоначальную беду героя, огораживая его земельный участок и выплачивая убытки.

Таблица 6

Функционально-семантическая схема сказки «Казак и царь»

– E	– L	ε	λ	E	L	E'	L'
<p>Чужое тов свое Панские коровы портят имущество казака W – коровы поедают урожай (капусту) казака</p>	<p>Чужое dom свое <i>«Он взял да этих коров загнал к себе на двор. Пришел пан за коровами, взял казака за хохол, отдул его розгами, а коров забрал».</i></p>	<p>ab – казак идет к царю с жалобой Явное trans тайное (царь переодевается в купца до встречи с казаком) α,β₁ⁱ = inf → plus <i>«- Ты куда идешь? - Иду до батюшки царя с прошением. - Покажи-ка ты мне свою грамоту. Долго рассматривал царь казачье прошение. - Я тут ничего не понимаю, - говорит. Казак берет в руки бумагу и начинает ему разъяснять. Тогда царь, переодетый купцом, берет это послание и обещает передать его царю».</i></p>	Царь - помощник	A₂B₂ (Царь поручает министрам разобрать казачье прошение; мужик его разъясняет министрам)	TEN деньги	Тайное trans явное (царь обнаруживает, что не министры, а казак прочитал прошение)	Свое dom чужое (царь своей милостью издал указ загородить мужику огород и заплатить убытки)

Таким образом, необходимо сделать вывод, что блок предварительного испытания может сохраняться и в бытовых сказках. В этом случае его функция остается той же – обретение помощника, который разрешает сказочный конфликт. Однако помощник этот не является волшебным, а только напоминает его своими исключительными качествами: особой догадливостью либо уникальным социальным статусом.

Особого внимания заслуживает сказка «Морской царь» (см. таблицу 7). Она обладает своеобразной сюжетно-синтагматической структурой, выделяющей ее на фоне всех сказок, записанных В.К. Ефременковым.

Сказка «Морской царь» является вариантом сказки «Жена ужа», которая в «Сравнительном указателе сюжетов восточнославянской сказки» (СУС) атрибутирована под номером 425М [7]. В основе этого сюжета лежит рассказ о превращении героини в зооморфное существо, как правило, кукушку.

Особое значение для сказки «Морской царь» имеет оппозиция подлинного и мнимого. Она определяет актантную структуру сюжета. Протагонистом здесь выступает дочь, мать героини (теща) одновременно является вредителем и мнимым помощником, отец, первоначально претендующий на роль протагониста, оказывается всего-навсего дарителем, не участвующим в сказочном конфликте, а муж дочери совмещается в себе волшебного помощника и мнимого вредителя. В других вариантах, указанных в СУСе, это действующее лицо имеет зооморфный, как правило, змеиный, облик; в сказке Ефременкова оно предстает как демоническое существо, которое, как и в других сюжетах, обладает способностью к оборотничеству.

Блоку действий, ведущих к недостатке ($-E -L$), предшествует расширенная исходная ситуация, обладающая свойствами блока ($-E -L$), поэтому на схеме она обозначается нами как ($-E^0 -L^0$). Морской царь хватает за бороду солдата, который решил испить речной воды. Это событие обозначается как вторжение демонического мира в человеческий (**демоническое тов человеческое**). Морской царь отпускает солдата только в обмен на обещание отдать то, чего он дома не знает. Это действие необходимо оценивать не только ситуативно, но и исходя из общего контекста всей сказки. Ситуативно это подвох и пособничество ($-a_1\beta_1^m$). На побуждение к действию (**caus**) солдат отвечает положительно (**oper**) и терпит урон (**min**), так как дочь, которая родилась в его отсутствие, должна теперь выйти замуж за морского царя (**caus** → **oper** → **min**). Однако в контексте всего сюжета это не подвох/пособничество, а предписание и его исполнение ($a_1\beta_1^m$). На побуждение к действию солдат отвечает положительно и становится дарителем, который дает своей дочери мужа (**caus** → **oper** → **plus**), с которым ей живется лучше, чем в родительском доме.

Таким образом, это мнимые подвох и пособничество, а в действительности – предписание и исполнение. Совмещенность в описываемом событии двух пар функций выражается формулой: $\{-\alpha_1\beta_1^m = \text{caus} \rightarrow \text{oper} \rightarrow \text{min}\} = \{\alpha_1\beta_1^m = \text{caus} \rightarrow \text{oper} \rightarrow \text{plus}\}$. Сказка дает и иной материал для интерпретации данной формулы. Считать ли действие солдата пособничеством вредителю или исполнением предписания помощника, зависит также от точки зрения: для матери – это пособничество вредителю, который отнимает у нее дочь; для девушки – это исполнение предписания, которое ведет к обретению жениха.

Смоленская сказка отличается от аналогичных метаморфозных восточнославянских сюжетов тем, что ее начало амальгамировано другим сюжетным типом – «Отдай то, чего дома не знаешь». Это вводит в заблуждение, что протагонистом сказки является солдат. На самом деле это не так: протагонист не солдат-отец, а его дочь. Солдат же предстает как эрзац-протагонист, его агент, дублер. Это становится ясно из контекста всей сказки, а также в результате сопоставления с другими вариантами, где девушка попадает во власть потусторонней силы в результате собственного обещания выйти замуж за змея, который заползает в ее платье. Требование демонического антагониста отдать то, чего солдат дома не знает, является сколком другого сюжетного типа, который, однако, в контексте сказки тоже получает матримониальный смысл: девушка должна выйти замуж за демоническое существо.

Венчается исходная ситуация «нулевой» недостатчей ($-L^0$), которая выражается с помощью двух сказочных предикатов – доминирования (**dom**) и перемещения (**mov**): морской царь берет девушку в жены (**демоническое dom человеческое**) и уводит ее в подводное царство (**человеческое mov демоническое**).

Действия, ведущие к недостатке ($-E$), включают в себя временное возвращение героини вместе с детьми в гости к матери ($-ab$). Мать выведывает у дочери заклинательную формулу того, как вызвать ее мужа (это – выведывание/выдача: $-\alpha_1\beta_1^1$), а затем с помощью своих сыновей убивает зятя (это – вредительство: **W**), желая освободить дочь, а самом деле делая ее несчастной.

Недостачей ($-L$) становится потеря героиней мужа в результате враждебных действий матери: **чужое (человеческое, мать) dom свое (демоническое, муж)**.

Основным испытанием (**EL**), компенсирующим недостатку, становится превращение героини и ее детей в животных (**человеческое trans животное**): она сама превращается в лягушку, ее дочь – в кукушку, а сын – в соловья.

Таблица 7

Функционально-семантическая схема сказки «Морской царь»

$-E^0$	$-L^0$	$-E$	$-L$	$E L$
Демоническое тов челове- ческое Морской царь хватает солда- та за бороду $\{-\alpha_1\beta_1^m = \text{caus}$ $\rightarrow \text{oper} \rightarrow$ $\text{min}\} = \{\alpha_1\beta_1^m$ $= \text{caus} \rightarrow \text{oper}$ $\rightarrow \text{plus}\}$ Солдат обеща- ет отдать то, чего дома не знает.	Демоническое dom челове- ческое Девушка всту- пает в брак с морским цар- ем Человеческое тов демони- ческое Девушка уxo- дит в подвод- ное царство	Свое trans чужое (мать становится враждебна дочери) $-\alpha_1\beta_1^i$ Мать выведы- вает у дочери заклинание (волшебное слово) и заби- рает волшеб- ные предметы (палочку и шашку) W Сыновья мате- ри убивают морского царя с помощью заклинания и волшебных предметов	Чужое (чело- веческое, мать) dom свое (демони- ческое, мор- ской царь) Мать убивает морского царя, желая освобо- дить дочь	Человеческое trans живот- ное Дочь превра- щает свою дочь в кукуш- ку, сына – в соловья, а сама превра- щается в ля- гушку

Особенностью семантики сказки «Морской царь» является то, что в ее основе лежит семейно-бытовая коллизия. Основным мотивом зооантропоморфного превращения становится предательство членов семьи (матери и братьев – дочери и сестры), которые ведут себя не по-семейному: «В этиологических легендах происхождение кукушки <...> является результатом нарушения семейно-родственных или брачных связей и отношений» [6, с. 36]. Эта семейно-бытовая коллизия осложнена мифологическим элементом: обманутый герой-жертва является хтоническим существом – морским царем (в других вариантах – лешим, змеем, жуком).

Каноническая сюжетно-синтагматическая структура сказок строится на оппозиции блока действий, ведущих к недостатке ($-E$), блоку основного испытания ($E L$). Сказка «Морской царь» (как, впрочем, и другие сюжеты о превращениях в кукушку) характеризуется тем, что можно назвать структурной «деформацией». Она обусловлена осложненностью семейно-бытовой коллизии мифологическим элементом (контактом чело-

веческого мира с демоническим). Проявляется эта «деформация» в неопределенности, какое событие считать действием, ведущим к недостатку, – похищение девушки демоническим существом в хтонический мир или убийство демонического мужа? Бинарность сказочной структуры подсказывает, что компенсацией недостатка становится превращение героини в животное, т.е. закрепление связи с чужим, нечеловеческим. Стало быть, недостатком необходимо считать не похищение девушки, а потерю мужа. Как же тогда трактовать начало сказки, где происходит вторжение демонического существа в человеческий мир и увод девушки (насильственный или добровольный) в хтоническое пространство? Очевидно, что это вредительство. Однако оно имеет свою специфику. Во-первых, оно не уравнивается финальным событием сказочного нарратива: превращение героини в птицу нельзя считать компенсацией за ее похищение. Это похищение становится своего рода начальной ситуацией, создающей условия для проявления вредителя: теща убивает зятя за то, что он лишил ее дочери. Во-вторых, это вредительство очевидным образом носит мнимый характер: героиня как будто терпит урон (ее увлекают в подводный мир), но на самом деле она обретает мужа, за которым ей живется лучше, чем в родительском доме. Эта мнимость первого вредительства подчеркивается характерной для бытовых сказок двойственностью точек зрения (мать – дочь), которая проявляется в совмещении сказочных функций (подвох/пособничество и предписание/исполнение: $(-\alpha_1\beta_1^m) = (\alpha_1\beta_1^m)$) и, соответственно, сказочных импликаций ($\{\text{caus} \rightarrow \text{op} \rightarrow \text{min}\} = \{\text{caus} \rightarrow \text{op} \rightarrow \text{plus}\}$).

В сказке «Морской царь» протагонист ликвидирует недостаток действием, несимметрично противоположным действию антагониста. Это не убийство вредителя и не воскрешение мужа, а превращение в существо, подобный мужу. Это превращение становится своеобразной компенсацией – доминирования героя над антагонистом. Превращение здесь есть медиация в леви-стрессовском смысле [2, с. 260–267]. В его основе лежит логика бриколажа – устранение конфликта непрямым путем, «отскоком». Эта логика в анализируемой сказке реализуется в два этапа. Вместо ликвидации антагониста происходит 1) инверсия оппозиции «свой (связанный с человеческим и матерью) – чужой (связанный с хтоническим миром и мужем)». Теперь связанный с человеческим и матерью оказывается чужим, а связанный с хтоническим миром и мужем – своим. Эта инверсия закрепляется в превращении героини и ее детей в представителей животного мира. В сказке Ефременкова героиня превращается в лягушку, а ее дочь – в кукушку. Оба животных являются хтоническими. Если связь лягушки с подземным миром очевидна, то теллурический статус кукушки

объясняется народными поверьями: «Она зимует в земле и прилетает весной одновременно с появлением земных гадов. В Полесье отмечено поверье, что уж весной «играет» с кукушкой (брест.)» [6, с. 39]. Это значит, что в рамках инвертированной оппозиции «свой (связанный с хтоническим и мужем) – чужой (связанный с человеческим и матерью)» формируется 2) новая оппозиция, целиком уместяющаяся в сфере много, животное-демонического, и снимающая первоначальную, – «кукушка, лягушка (жизнь, вдова) – морской царь (смерть, убитый муж)».

II. Особенности семантики

Семантика сказок Ефременкова основана на двух фундаментальных оппозициях «свой/чужой» и «низкий/высокий». При этом намечается тенденция, которую предположительно можно считать свойственной смоленскому сказочному эпосу. Эта тенденция касается деривативов оппозиции «свой/чужой», которые явственно доминируют в сюжетах анализируемых сказок. Ведущая роль здесь принадлежит оппозиции «человеческий/нечеловеческий». Она присутствует в девяти сюжетах. Существа иного мира, противостоящие герою, могут носить мифологический характер, тогда они связаны с особым пространством, трансцендентным реальному. Это такие персонажи, как змеи («Три волшебных платочка»), оборотень Ох («Вдова»), морской царь («Морской царь»). Другая группа существ как бы приближена к человеческому миру, они обитают в мире людей, но носят демонический характер. Это такие персонажи, как мертвая царская дочь («Царица-волшебница»), колдун-мертвец («Извозчик»), черт («Иван и барин», «Мужикова баба»), смерть («Солдат и смерть»), Илья-пророк («Солдат, Миколай-Чудотворец и Илья-пророк»). Есть сказки, где такие существа предстают в качестве простаков, над которыми потешается герой-плут (таковы черт и смерть).

Очень часто оппозиция «свой/чужой» предстает в семейно-бытовой плоскости и принимает вид оппозиции «родной/неродной». Как неродные ведут себя старшие братья, жена, мачеха.

Своеобразную форму оппозиция «свой/чужой» обретает в анималистических сказках. Там домашние животные, связанные с человеческим миром, противопоставляются лесным зверям («Волк и конь»). Конь побеждает волка и медведя, подтверждая превосходство того, что связано с человеком, над звериным.

Другая фундаментальная сказочная оппозиция «низкий/высокий» представлена социальными деривативами: «крестьянский/помещичий или поповский» маркирует сословные отношения (встречается шесть раз), а «младший/старший» – семейные (встречается пять раз). Обе оппозиции дополняются личностной – «глу-

пый/умный». Категории «уродливый/красивый» оказываются нерелевантны для смоленских сказок.

В некоторых сказках сосуществуют обе фундаментальные оппозиции «свой/чужой» и «низкий/высокий». Это обусловлено несколькими причинами. Чтобы старшие братья проявили пренебрежение к младшему, они должны сначала отказаться от родственных связей, проявить себя как чужие герою лица (отнять у него часть наследства, попросить за помощь выколоть глаз и т.д.). В этом случае семейно-бытовая оппозиция «родной/неродной» обуславливает противостояние старших с младшим. Другая причина заключается в том, что в некоторых сказках антагонистом героя становятся сначала социально высшие персонажи, а затем нечеловеческие существа (черт, колдунья, мертвец).

В сказке «Мужикова баба» актуализируются сразу три оппозиции. Жена лесника ведет себя неподобающим образом, заставляет мужа качать ребенка, выполнять домашние работы (родное оказывается чужим). Мужик спихивает ее в яму, а когда пытается вытащить, достает черта, который готов выполнить любую просьбу мужика, лишь бы не сидеть в одной яме с бабой. Черт помогает мужику добыть денег у пана, попа и помещика, выдавая себя за знахаря (социально низкое доминирует над социально высоким). Затем мужика призывают в царский дворец, где он избавляет царскую дочь от того же самого черта, который повадился к ней приходить по ночам («человеческое/нечеловеческое»).

III. Структурные особенности

Статистическое исследование распределения сказочных функций, предпринятое В.С. Баевским, показало, что положительными доминантами сказки является недостача (или вредительство) и отправка. Более того, «завязка – единственный обязательный узел сказочной фабулы» [1, с. 25].

Выделенность начальных функций (т.е. блока (–E –L) в терминологии Е.М. Мелетинского) определяется, по гипотезе Баевского, их детерминационной функцией: они оказываются первопричиной всех событий сказки и испытаний, которым подвергается герой: «Мифологическое сознание не оперировало категорией причинности в современном понимании. При переходе к историческому сознанию категория начала интерпретируется как первопричина единой Великой Цепи Бытия, организованной как огромное или бесконечное число причинно-следственных звеньев. Именно в художественном исследовании народным сознанием каузальных отношений видим мы смысл особой маркированности сказочных функций, образующих завязку» [1, с. 28].

Это значит, что характер действий, ведущих к недостатке, т.е. блока (–E –L), указывает на наиболее значимый для данного фольклорного ареала сказочный конфликт. В смоленских сказках, собранных В.К. Ефременковым, наблюдается отчетливая тенденция к преобладанию предиката **свое trans чужое**. Он характеризует действие, ведущее к недостатке, в 11 текстах. Причем этот предикат наполняется не мифологической, а социальной семантикой – семейной и сословной. В сказках «Царица» (первый ход), «Теща», «Сказка о двух братьях», «Сказка про суму», «Сказка о серебряном блюдечке и наливном яблочке» антагонистами выступают братья (в большинстве случаев) и сестры. Они нарушают семейные обычаи и проявляют жестокость по отношению к своим ближайшим родственникам. В сказках «Мужикова баба» (первый ход) и «Неверная жена» отчуждению подвергается жена, которая предает или изводит мужа. В «Морском царе» источником конфликта становится мать, губящая счастье дочери. И даже в анималистической сказке «Волк и конь» мы усматриваем проявление предиката **свое trans чужое**, поскольку хозяева отрекаются от старого коня, который был, как член семьи, и уводят его в лес.

Сословный характер этот предикат обретает в сказках «Про кулака» и «Про архиерея, как он гулял по Афонским горам». В первом случае бесчеловечному обращению, эксплуатации подвергается герой со стороны зажиточного крестьянина, во втором – со стороны попа.

В четырех случаях из 11 предикату трансформации своего в чужое сопутствует вредительство («Царица», «Теща», «Про архиерея, как он гулял по Афонским горам», «Морской царь»).

Таким образом, ведущим конфликтом в смоленских сказках, первопричиной бед, с которыми борется протагонист, становится предательство, как правило, семейное.

В семи сказках действием, ведущим к недостатку, является перемещение своего в чужое (**свое тов чужое**). Этот предикат, аналогичный проповедской отправке, генетически связан с инициальным обрядом или мифологическим путешествием в царство мертвых [5, с. 36–39]. Однако в смоленских сказках свой мифологический характер этот предикат сохраняет лишь изредка. Герой соприкасается с миром чудесного в сказках «Извозчик» (оба хода), «Вдова» и «Злая мачеха». В сказке «Солдат и смерть» чужое пространство (рай), в которое попадает герой, скорее условно-аллегорично, чем мифологически конкретно. Сказка «Волк и конь» тоже в большей степени аллегорически поучительна, чем мифологична. Она строится на оппозициях «дом – лес», и действие в ней демонстрирует превосходство культуры над стихийной природой (подкованный конь побеждает волка и медведя). В обоих ходах сказки

«Поп и его работник» предикат **свое тов чужое** обретает социальный, сословный характер.

Итак, можно предположить, что в смоленских сказках предикат перемещения своего в чужое, генетически восходящий к мифологически-обрядовой архаике, утрачивает сакральный характер и, сохраняя свою форму, в содержательном отношении характеризует социально-бытовой конфликт (крестьянин – поп, помещик).

Обращает на себя внимание единичность парной функции запрет – нарушение запрета ((– α) β). Она определяет недостаток в сказке «Солдат, Миколай-Чудотворец и Илья-пророк» и сопутствует предикату **свое тов чужое** в сказке «Солдат и смерть». Даже на фоне столь малочисленной выборки, как 21 текст, такая низкая частотность одной из ведущих сказочных функций не может не удивлять. По всей видимости, ее следует объяснять утратой смоленскими сюжетами чудесного, мифологического содержания.

Литература

1. Баевский В.С. Статическое исследование мифообрядовых истоков волшебной сказки // Баевский В.С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 21–29.
2. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: АСТ-Астрель, 2011. 541 с.
3. Мелетинский Е.М. Сказка-анекдот в системе фольклорных жанров. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky14.htm> (дата обращения: 14.06.2017).
4. Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам. IV. Тарту, 1969. С. 86–135.
5. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. 340 с.
6. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М.: «Международные отношения», 2004. 704 с.
7. Сравнительный указатель сюжетов восточнославянской сказки. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/sus/> (дата обращения: 14.06.2017).

L.G. Kayanidi

Features of the Smolensk Folk Tales Collected by V.K. Efremkov: Plot Syntagmatic, Semantics, Structure.

Key words: fairy and household tale; plot; motive; structure; actants; narrative; binary opposition; bricolage; mythologism; semantics.

The Smolensk tales collected by V.K. Efremkov demonstrate a full variety of plot and syntagmatic types. In twenty one texts there are all possible combinations of the units of the shortage and the preliminary, main and additional testings. The tales semantics is characterized by the prevalence of social

and family problems that manifests in the domination of oppositions «old-er/young», «peasant/landlord (clerical)», «native/non-native». The opposition «human/non-human» dominates in the fairy plots. The main predicate of an initial tale part is a transformation of the his one and the alien one which takes not mythological, but caste and family traits.

We analyze in details two tales, «Mother-in-law» and «Sea king». The first one allows to make addition in the genre definition of anecdotic tale and in the description of structural features of household tales. The second one is of interest by the combination of a mythological bricology logics and a domestic conflict.

Л.Г. Каяниди, К.О. Храмова, А.В. Ковалева

Смоленский государственный университет

УДК 82-1/9

О СМОЛЕНСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ СКАЗКАХ, СОБРАННЫХ В.К. ЕФРЕМЕНКОВЫМ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта «Фольклорное наследие Смоленщины в записях белорусских и русских исследователей», № 17–24–23001

Ключевые слова: смоленский фольклор; народная сказка; архивные материалы; краеведение; В.Н. Добровольский; В.Ф. Шурыгин.

В статье дан обзор части архива полузабытого собирателя смоленского фольклора В.К. Ефременкова, включающей в себя произведения повествовательного народного творчества: сказки, бытовые рассказы, народные анекдоты. Этот архив хранится в РГАЛИ, публикуется впервые и значительно расширяет представления о смоленской сказке.

Смоленские фольклорные сказки известны по двум основным источникам – «Смоленскому этнографическому сборнику» В.Н. Добровольского и по книге «Сказки Смоленского края» (1991), изданной В.Ф. Шурыгиным и А.В. Мишиным. Публикуемые в настоящем издании тексты в большинстве своем являются оригинальными и не повторяют ранее обнаруженные смоленские сказки. Можно утверждать, что настоящая подборка существенно пополняет смоленский сказочный фонд и расширяет спектр вариантов восточнославянских сказок.

Публикуемые сказки собраны полузабытым собирателем смоленского фольклора Василием Константиновичем Ефременковым в конце 1930-х – 1940-е годы. Биографические данные о фольклористе